

Глава 43: Ученик — злодейский Владыка демонов с сердцем черного лотоса и нежный учитель-плакса (Часть 1)

В глазах нещадно резало, а голова отзывалась тупой, изматывающей болью.

Цзян Лоло коснулся лба; пальцы ощутили холодную гладкость шелка, задевшего щеку. Он замер на мгновение, внезапно осознав: он уже в новом мире.

— Шицзунь?

Кто-то тихо позвал его. Юноша открыл глаза и увидел перед собой руки, подносящие ему плеть на вытянутых ладонях.

[Носитель, задача в этом мире — завоевать сердце твоего ученика. Он должен в тебя влюбиться.]

Лоло поднял взгляд. Перед ним на деревянной раме висел человек, на вид лет двадцати. Его одежда была в полном беспорядке: ворот широко распахнут, обнажая бледную грудь, в уголке губ запеклась кровь. Веки пленника были полуприкрыты, а на теле виднелись багровые следы от ударов плетью.

«Это и есть мой ученик?»

Почувствовав на себе изучающий взгляд, человек на раме открыл глаза и с нескрываемой ненавистью уставился на наставника.

— Чу Суйбай! Как ты смеешь так смотреть на Шицзуня!

Мимо промелькнула тень. Раздался резкий звук пощечины, и голову пленника мотнуло в сторону.

— Немедленно проси прощения у Шицзуня!

Цзян Лоло опешил.

Он перевел взгляд на того, кто держал плеть. Этот юноша выглядел ровесником Чу Суйбая, с правильными, суровыми чертами лица, и сейчас он яростно отчитывал связанного.

[Тот, кто ругается — твой старший ученик, Суй Чжиянь. Твой самый преданный подпевала и верный пес, пользующийся твоим безграничным доверием.]

[Связанный — твой второй ученик, Чу Сюйбай. Ты принял его в школу лишь с одной целью: превратить в «человеческий котел» для своего самосовершенствования. Вчера вечером он узнал о твоих планах и в гневе пришел требовать объяснений. Ты, разозлившись, велел связать его, чтобы вдоволь над ним поиздеваться.]

Лоло с грудом сглотнул.

Кажется, в этот раз ему досталась роль редкостной дряни. Сначала избить человека до полусмерти, а потом пытаться его влюбить? Судя по этому взгляду, Чу Сюйбай готов содрать с него кожу живьем.

— Прекрати.

Стоило юноше подать голос, как Сюй Чжиянь замер, в недоумении глядя на учителя:

— Шицзунь? Мы не можем просто так спустить ему это с рук!

Цзян Лоло на мгновение запнулся, но быстро взял себя в руки, входя в образ злодея-наставника:

— Пусть идет вон и кается на коленях. Нечего ему мозолить мне глаза.

Прихвостень преданно закивал:

— Вы правы, Шицзунь! — И тут же деловито добавил: — Велеть ему, как и младшему брату, встать на лазуритовые камни?

Зрачки Лоло сузились.

Чжиянь же, восприняв его молчание как знак согласия, принялся проворно перерезать путы, не забывая при этом подогревать ненависть пленника:

— И всё-таки методы Шицзуна бесподобны! Колени на лазурите в такую-то погоду... Будет тебе наука!

В голове Лоло пронеслось целое стадо обезумевших лам.

«Что он несет?» — дрожащим процессом спросил он Систему.

[О, совсем забыл сказать. У тебя есть еще и младший ученик, Мо Юньци — твой запасной «котел». Вчера он пытался заступиться за Чу Сюйбая, и ты наказал его, заставив стоять на

коленях на морозе.]

Лоло почувствовал дурноту.

«И кого из них мне в итоге нужно покорить?»

[Дай-ка гляну... В этот раз твоя цель — это... один из твоих троих учеников...]

[Ой!!!]

Система истошно завопила:

[Почему дальше пусто?! Данные пропали!]

Лоло промолчал. Он так и знал, что на эту систему нельзя полагаться. Оставив 582-го в покое, пока тот занимался самодиагностикой, юноша медленно поднялся. Он решил взглянуть на младшего ученика.

— Шицзунь!

Увидев, что наставник встает, Сюй Чжиянь бросил пленника и в два прыжка оказался рядом. Он накинул на плечи учителя белоснежную лисью мантию, подобострастно бормоча:

— Шицзунь, предоставьте наказание этих мальчишек мне. Разве вы можете во мне сомневаться? Если они не потеряют по полжизни к вечеру, я не достоин называться вашим старшим учеником!

Чу Сюйбай, ковылявший к выходу, услышал эти слова и снова одарил их испепеляющим взглядом. Лоло не сомневался: будь у парня в руках меч, он бы насадил своего учителя-подонка и его подлого прихвостня на клинок, как кусочки мяса на шампур.

У юноши дернулся уголок губ. Он жестом велел Чжияню замолчать, пока тот не наговорил на смертный приговор:

— Идем. Я сам посмотрю.

Однако едва он поднялся с кресла, как ноги предательски подогнулись. Цзян Лоло поспешно схватился за край стола. Случайно глянув в стоявшее напротив медное зеркало, он на мгновение замер от изумления.

В прошлом мире он использовал свое собственное лицо, здесь же внешность была слегка

изменена, чтобы соответствовать канонам бессмертных, но сходство всё равно оставалось поразительным. Тонкие, летящие брови. Разрез глаз стал чуть длиннее, а их уголки приподнялись, придавая взгляду манящую глубину. Кожа была бела, как чистейший нефрит, а губы — пухлыми и ярко-алыми.

В его облике холодная отстраненность небожителя сочеталась с какой-то неуловимой, порочной мягкостью. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: перед тобой не добропорядочный наставник.

Старший ученик подхватил его под локоть:

— Шицзунь, яд еще не окончательно вышел из вашего тела. Позвольте мне помочь вам.

Цзян Лоло едва заметно кивнул. Едва они вышли из покоев, как его взору предстала фигура у самого края обрыва. На дворе стояла лютая зима. Северо-западный ветер неистовствовал, швыряя в лицо пригоршни ледяной крошки. Стоявший на коленях юноша был покрыт снегом с головы до ног.

Его одежда была слишком тонкой для такого холода. Губы побелели, на ресницах застыл иней. Он казался ледяной скульптурой — неподвижный и бесконечно жалкий. Услышав шаги, он вскинул голову. В его глазах, ярких, как у волчонка, на миг вспыхнул опасный блеск, но тут же скрылся под маской покорности.

— Шицзунь, — негромко произнес он.

Сердце Лоло сжалось от жалости. Но не успел он и рта открыть, как над ухом раздался громоподобный окрик Чжияня:

— Ты что, не ел сегодня?! Громче отвечай!!

Лоло молча убрал руку с плеча своего «верного пса». С таким талантом наживать врагов этот подпевала, скорее всего, станет первым пушечным мясом в конце истории.

Чу Сюйбай, прижимая руку к груди, доковылял до края обрыва и опустился на колени рядом с Мо Юньци. Один — весь в ранах, другой — продрогший до костей. Один жальче другого. У Лоло начала побаливать голова. Он не сомневался, что в душах этих двоих пылает лютая ненависть.

«Эта миссия кажется куда сложнее, чем та, с зятем-при...»

В мыслях образовалась пустота. Юноша вдруг осознал, что не может вспомнить окончание фразы.

— Шицзунь? — голос Чжияня вернул его к реальности.

Лоло посмотрел на своих учеников, пытаясь выстроить стратегию. Судя по всему, Чу Суйбай и Мо Юньци еще не были до конца уверены, что их мастер собирается использовать их как «котлы». Они лишь строили догадки.

Приняв решение, Цзян Лоло заговорил, глядя на коленопреклоненных юношей:

— Знаете ли вы, почему я наказал вас?

Чу Суйбай сжал кулаки, храня угрюмое молчание. Мо Юньци же, казалось, совсем окоченел; его припорошенные снегом ресницы дрогнули, и он едва заметно качнул головой.

— Раз уж вы вошли в мои врата, вы должны свято чтить кодекс учителя и ученика... — Лоло опустил взгляд. — Позволять себе пустые обвинения, основываясь лишь на догадках — разве этому я вас учил?

Кулаки Суйбая то сжимались, то разжимались. Младший ученик внезапно вскинул голову.

Наставник в лисьей мантии стоял среди бушующей метели; его прекрасное лицо хранило печать разочарования, а голос звучал пугающе тихо:

— Вражда между братьями, мятеж против учителя... Неужели даже сейчас вы не осознали своей вины?

Его чистый голос, подхваченный ледяным ветром, достиг ушей каждого. Лоло решил, что на сегодня этого достаточно.

— Раз я принял вас в ученики, я буду наставлять вас и обучать мастерству. И пусть подобные разговоры больше никогда не повторяются. Этот Достопочтенный не интересуется мужчинами, так что можете быть спокойны. Чжиянь, проводи их обратно. Пусть размышляют над своим поведением.

С этими словами он скрылся в глубине дворца.

Вернувшись в покои, Лоло плотно прикрыл дверь, отсекая и холодный ветер, и своих учеников. Сбросив тяжелую мантию, он подбежал к очагу.

«Какая глупость — стоять на таком морозе и вести философские беседы».

Тут он вспомнил о деле и принялся рыться в шкафах, следуя остаточным воспоминаниям прежнего владельца тела. Ему нужны были мази. Раз он не знает точно, кого нужно покорять, придется задабривать всех понемногу. Глядишь, через какое-то время они перестанут ждать от него подвоха.

Спрятав пузырьки в широкие рукава, Лоло направился к жилищу младших учеников. Старший ученик жил в достатке, двое же других ютились в лачуге на самой окраине. Прежний хозяин тела презирал их, поэтому их комната была тесной и ветхой, совершенно не соответствуя величии Дворца Зеленого Инея.

Подойдя к дверям, Лоло услышал голоса. Кажется, говорили о нем. Он прильнул к щели в двери...

Чу Суйбай как раз стягивал окровавленную одежду, обнажая спину с двумя уродливыми багровыми рубцами. Лоло непроизвольно охнул про себя. Он поспешно отвел взгляд и увидел, как Мо Юньци развязывает пояс штанов...

Опасаясь увидеть лишнее, юноша хотел было совсем отвернуться, но замер, заметив колени младшего. Они превратились в сплошное кровавое месиво.

В этот момент из комнаты донеслись слова Чу Суйбая:

— Лазурит ледяной и острый. Если бы ты простоял еще немного, твои кости были бы безнадежно испорчены.

Мо Юньци сидел, низко опустив голову:

— Ученик совершил ошибку. Наказание Шицзуня было справедливым.

— Этот человек вожделеет собственных учеников и хочет использовать нас в своих практиках. Какое бесстыдство... И это при том, что мы — мужчины... — Суйбай замолчал на мгновение, а потом спросил: — Ты правда поверил тому, что он сказал сегодня?

С этого ракурса Лоло видел лишь профиль младшего ученика. Его полуопущенные веки придавали ему вид необычайной покорности.

— Шицзунь сказал — значит, так оно и есть. Я верю ему.

Второй ученик фыркнул, явно считая брата безнадежным простаком, и отвернулся. У Лоло же на душе стало тепло. Его симпатия к кроткому Мо Юньци явно возросла. Он осторожно оставил лекарства у порога и тихо ушел.

Белоснежный мех лисьей мантии на мгновение мелькнул в дверном проеме — пушистый, словно кончик лисьего хвоста.

В ту же секунду Мо Юньци небрежно глянул на дверь. Покорная улыбка еще не сошла с его губ, но в глубине зрачков уже разгорался ледяной, хищный блеск. Он смотрел на порог не мигая, словно волчонок, отслеживающий добычу.

А затем он тихо, многозначительно рассмеялся.

Оставленные лекарства не прибавили ни единого очка благосклонности, а Система и вовсе затихла. Впрочем, миссия не требовала спешки, а за окном завывал буран — самое время, чтобы как следует выспаться. Лоло сбросил обувь и зарылся в теплое одеяло.

Ночь опустилась на горы, окутав всё непроглядной тьмой. Вдруг дверь тихо скрипнула. Проснувшийся от звука юноша высунул голову из-под одеяла. Решив, что это просто порыв ветра, он плотнее закутался, как вдруг его ноздрей коснулся странный аромат.

Он инстинктивно вдохнул поглубже, и в тот же миг его тело обмякло. Силы покинули его. Лоло сомневался, что сможет даже приподняться. Вместе со слабостью по позвоночнику поползло странное, пугающее тепло.

У кровати возник силуэт. Лоло хотел было вскрикнуть, но вместо гневных слов из его груди вырвался лишь тихий стон.

«Всё, пропал! Конец! Неужели меня решили обесчестить?!»

Юноша попытался забиться в угол кровати.

«Да как так-то?! Я же только-только попал в этот мир! Я даже не успел понять, кто из них — цель!!!»

Незнакомец, ничуть не смущаясь, сел на край постели. Он медленно потянул одеяло на себя, с каким-то извращенным удовольствием наблюдая за реакцией жертвы. Его наставник, всегда такой высокомерный, теперь лежал перед ним. На бледных щеках расцвел румянец, волосы рассыпались по плечам, контрастируя с белоснежной ночной рубашкой.

Лоло отчаянно вцепился в край одеяла. Он прикусил нижнюю губу, надеясь, что боль поможет вернуть ясность мыслей.

— Что... что ты задумал...

— Глухая ночь... Учитель и ученик наедине... — человек намеренно понизил голос, словно дразня загнанную в угол лисичку: — Как вы думаете, Ши-цзунь?

При звуке этого обращения сердце Лоло ушло в пятки. Он знал, что быть Шицзунем — работа опасная, но не думал, что приключения начнутся так круто. Мужчина резко дернул одеяло, и Лоло, потеряв опору, завалился на бок.

— Погоди... давай просто поговорим! — он попытался отползти подальше: — Уйди... не смей...

Слова застряли в горле. Плечи юноши мелко задрожали. Чья-то ладонь мертвой хваткой сомкнулась на его лодыжке. В этой сцене было что-то пугающе знакомое.

Лоло не успел додумать — слезы застлали глаза, и он, не выдержав, всхлипнул:

— Извращенец!

Мужчина издал короткий смешок, в котором сквозила ледяная насмешка. Он в упор смотрел на дрожащего наставника, готового вот-вот разрыдаться:

— И в таком виде вы еще смеее утверждать, что не интересуетесь мужчинами?..

<http://bllate.org/book/15808/1436765>